

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
БОРИСА
И ГЛЕБА

ТАТЬЯНА ТРУБНИКОВА

ВО ИМЯ ПРАВИ

Интернациональный Союз писателей

Международный фестиваль Бориса и Глеба

Татьяна Трубникова

Во имя прав

«Интернациональный Союз Писателей»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Трубникова Т. Ю.

Во имя правы / Т. Ю. Трубникова — «Интернациональный Союз Писателей», 2019 — (Международный фестиваль Бориса и Глеба)

ISBN 978-5-00153-079-4

Что есть правь? Правда. Одно из главных слов в нашем языке. За правду и умереть не жаль. Правда – это основа нашего бытия и сознания. Глубинного сознания, которое переходит из поколения в поколение. Православие – правь славить, правду, закон Бога. «Правый», «правильный», «право», даже «справный» – слов на основе этого корня много в языке! Эти рассказы – личная правда автора. Но герои показаны в поисках своего пути, своей правы, жизнь открывает им глаза на прошлое и настоящее.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

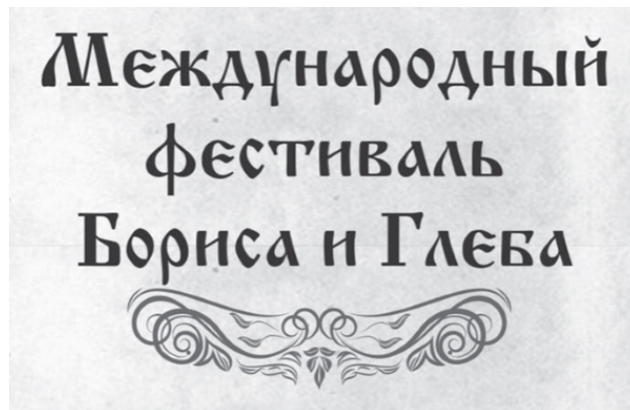
ISBN 978-5-00153-079-4

© Трубникова Т. Ю., 2019
© Интернациональный Союз
Писателей, 2019

Содержание

Август, воскресенье	7
Варенье	15
Голубятник	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Татьяна Трубникова Во имя прави

Молитва благоверным князьям Борису и Глебу

О двоице священная, братия прекрасная, доблии стратотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии, и кровью своими, яко багряницею, украсившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забудьте и нас, сущих на земли, но, яко тепли заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прилога неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скорби, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую вражду и злобу, действием диавола воздвигаемую от ближних и чуждых. Молим вас, христолюбивии стратотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от нашествия иноплемennых, междоусобныя брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением страну нашу и всех, чтущих святую память вашу, во веки веков. Аминь.

Татьяна Трубникова

Киноматюрг, член Союза писателей России.

Сборник рассказов «Знаки перемен».

Роман Татьяны Трубниковой «Танец и Слово» о любви Изадоры Данкан (Айседоры Дункан) и Сергея Есенина удостоен литературной премии им. М. Пришвина и заслужил множество положительных отзывов критиков и читателей. Переиздан издательством «РИПОЛ-классик» в количестве 2000 экземпляров.

Победитель конкурса «ЛУЧШИЕ ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ РОССИИ» с вручением медали им. С. А. Есенина Литературной премии «ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ».

Интервью с писателем были опубликованы издательством «Подмосковье», журналом «Горизонты культуры», альманахом «Литературное Подмосковье» и другими изданиями.

Август, воскресенье

Я листала эти улицы, как страницы семейного альбома...

Бывает в жизни хотя бы раз такой день, который меняет все. Все нутро человека переворачивает. Как это происходит? Что тому причиной? Война, смерть, измена, горе, нечаянная радость, спасение, обретение веры, что? А иногда почти ничего. Пустяк. Ничего, что было бы видно со стороны. Ничего, даже если рядом человек, который весь день смотрит в глаза. Даже и он не сможет разглядеть. Впрочем, у каждого человека свой такой день. И своя причина. А у вас он уже был?

Снова я в городе детства. Обидно до холодка в сердце, что этот неторопливый, а когда-то, во времена детства, тишайший, сонный городок теперь не имеет к моей жизни никакого отношения. Умерла бабушка. Совсем давно, мне было шестнадцать. Ее немалые сбережения, которые она готовила мне на свадьбу, на жизнь, растаяли в инфляции начала девяностых. Когда отец отдал мне три тысячи из восьми, это был размер моей стипендии. Я купила себе колбасы. А дом детства отдал неродным детям любимой женщины, обретенной в пятьдесят лет. Тем, кто никогда тут не был и не жил, кто даже не видел моих бабушку и дедушку. Раньше я часто думала: что они сказали бы, если бы вдруг прозрели? Вдруг хоть на час могли бы вернуться оттуда, откуда еще никто не возвращался от начала времен, кроме Христа? Сейчас, в этот теплый августовский день, они смотрят на меня застывшими глазами на непохожих на них лицах, высеченных на могильном камне. Бабушка – в три четверти, дедушка – в глаза. Но ничего нет в этих глазах, никакого ответа...

Когда-то давно, когда мне было тридцать, случился день, когда я чувствовала себя особенно одинокой и несчастной. Учеба в режиссерско-сценарной мастерской была позади, работа над телесериалом – тоже. Я уже поняла, что в кинематографическую так называемую «обойму» я не попала. Никто не позовет меня. Да и сынок еще мал, я и так достаточно долго испытывала терпение мамы, которая сидела с ним, пока я два года училась. Навалилось много бухгалтерской работы, а от домашней вообще не убежишь... Писала в стол. Повести и рассказы. Некоторые из них мастер, всю жизнь подвизавшийся в кино, хвалил. Говорил, поглядывая на меня косым хитрым глазом: «Ну это писательница. И сразу в классики». И ехидно усмехался. Любил подшутить. Только кому нужна моя проза?! Где ее показать? Из толстых журналов только раз был ответ: «Повесть хорошая. Но мы не можем ее опубликовать по этическим соображениям». Я прекрасно поняла, что это за «этические соображения». Повесть была о войне на Кавказе, о боли, о пути шахида. Интернета тогда не было. Дом и работа. Скука... От грусти, какой-то внутренней неудовлетворенности, профессиональной ненужности, взлетевшей и упавшей мечты быть сценаристом я располнела. Муж все чаще стал покрикивать. В том числе и при подчиненных, при продавцах. Все знали, что я в кулаке у него, просто рабочая лошадь. А за сим не стеснялись садиться к нему в машину... Однажды он сильно обидел меня. Я плакала. Мама наорала. Что я тряпка и подстилка у него. Он меня просто «натягивает». Плакала всю ночь, понимала: она права. Но зачем делать так больно? И главное: никого у меня нет. Ни одной подруги. Ни просто дома, где могла бы посидеть молча, в тишине, одна... Мне некуда скрыться из этих стен. Я в клетке. Я рабыня. Меня все домашние ненавидят, хотя я вкальваю как проклятая... Да и как не сажать в машину девок, если я толстая? К утру поняла: у меня есть куда поехать. Три часа на двух электричках. И пусть. Найду могилу бабушки и дедушки. Отец говорил номер участка. Поехать к нему мне и в голову не могло прийти: после того как отдал квартиру, жена его третировала, выгоняла из дома, даже дралась. Ходил в синяках. Ночевал на вокзалах, хотя умудрялся быть опрятным, как всегда, но с такой помятостью в глазах... И при этом преподавал в институте электроники и математики! Приезжал ко мне иногда: мыться и

спать. Признавался, что частенько засыпал с ножом под подушкой. Боялся ее крутого нрава, вдруг что сделает... Когда мне было девятнадцать, она пришла самовольно на мою встречу с отцом. Я ее не приглашала. Крикнула мне: «Ты кто такая? Ты – недоразумение. Тебя вообще не должно было родиться! А я – законная жена!» Это сейчас я понимаю, что так она отстаивала отобранную квартиру. Тогда я просто услышала то, что она сказала. Для юного человека это очень страшно. От шока, что отец не защитил, не сказал ни слова против ей, плакала все три часа, всю дорогу до дома.

Внутри все волновалось. Было странное чувство, что еду к бабушке и дедушке в гости. Надела самое лучшее, что более-менее шло к располневшей фигуре: длинную светлую джинсовую юбку и такую же рубашку. Когда выходила из метро, увидела, что начался проливной дождь. Купила дешевый китайский зонт в переходе. И двинула на вторую электричку, от Савеловского вокзала. Все здесь было остро, до рези в глазах знакомо. Вот здесь я с отцом ходила каждую субботу, когда ехали к бабушке с дедушкой.

И возвращались в воскресенье. Вон там магазин «Восход», мы раз в неделю летом мотались с бабушкой за колбасой, жирной сметаной и «Мишкой косолапым». Я даже полы там помню! В крупную мраморную плитку, белую с черным квадратом посередине. Решила подсчитать, сколько раз я здесь была. Оказалось, не менее трехсот. Почти каждые выходные. Зачем мне это было надо? Просто отвлечься, чтобы слезы снова утекли в глаза...

От платформы Новодевичья шла пешком. Люди помогли найти кладбище. Дождь лил немилосердно. Купила воды, понимая, что испачкаюсь. Участок оказался на другом конце кладбища. Километра два. Нашла. Время уже перевалило за обеденное. Вода с небес стеной. Ни души вокруг... Я стояла и смотрела на землю, в которой они... Жалела, что как же так: ничего не принесла им. Было такое чувство оторванности от мира, от реальности, будто я вообще одна, совершенно. В сущности, так оно и было. Никого. Шелест дождя по листве, по камням, по лицу со слезами. Теплый летний дождь. Вырывая траву, рассказала им, как живу. И что мне тяжело. Сразу стало проще. А потом шла обратно. Какая-то другая. Хотя и плакала, но светло. Я снова была у них в гостях. Почти как в детстве. На платформе отмывала длинную юбку от грязи. И ноги вместе с босоножками. Народ очумело смотрел на меня, зареванную и грязную. В электричке – тоже. Ближе к дому юбка почти высохла.

Дома встретили мама и муж. В дверях. «Где была?» Ласково так. Мама даже улыбалась. Они думали, мне пойти некуда. «На кладбище». И заперлась в ванной. Скинула в стирку одежду. Теплая вода и мочалка с мылом просто возродили меня. Вытиралась, когда услышала звонок домашнего телефона. Сотовых тогда не было.

Обернулась полотенцем и выскочила. Успела на мгновение быстрее мужа. Мама уже ушла. Высветившийся номер был странным. Почти весь состоял из семерок. «Чудеса просто», – успела подумать. И что такого номера не знаю... В трубке был голос однокурсника. Он мне нравился, когда училась, но, разумеется, ничего не было... Он сказал, что звонит с автомата. Что скучает по учебе и по всем... И что, если буду в Москве и захочу выпить кофе, можно пересечься. Голос теплый, знакомый в каждой интонации и такой ужасно милый. Записала его номер. Ничего особенного. Обычный треп. Засыпала счастливая. Теперь у меня есть друг! Вдруг пронзила мысль... Это они! Разве так бывает?! Спасибо, бабушка и дедушка! Мысль была хрустально ясной, как чистый бокал у бабушки в серванте. Спустя несколько лет – звонок ни с того ни с сего. В разговоре спросила, когда он решил позвонить? «Да сегодня такой дождь противный был... И грустно. Бытовуха заела. Разведусь! Скучаю по Волгограду...»

Прошло много лет. Все в них было: радость и горькая страсть, безумие полета качелей любви, первый писательский успех и второй, и третий... Новые книги и большой роман, который писала несколько лет как отражение собственного сердца, собственной любви. Я стала иной. Несущей в себе сверкающую радость. Сильной, гибкой, худой, совершенно уверенной в

себе. Я победила. В том числе и то, что не нравилось в себе. Научилась выступать публично с прозой и танцевать. Даже на публике.

Сколько мне лет? Я не помню. Много-много поняла про время. Про эфемерность этой отнюдь не физической, а метафизической величины. И вообще не величины, по сути.

Когда отец прочел мой роман, он сказал: «Он очень хороший. Ты теперь большая писательница. Настоящая». Честное слово, это было самой лучшей оценкой из всех отзывов, которые мне писали, говорили и публиковали.

Отец умер тринадцатого января, ровно через год, день в день, как поставила точку в романе. В последний раз видела его случайно. Неужели ангелы свели нас?! На книжной выставке ВВЦ. Был теплый сентябрь. Красиво одетая, счастливая, я подписывала свой роман покупателям у стенда издательства. Книжки разлетались быстро, как птицы. И вдруг увидела отца... Выглядел он ужасно. Всегда опрятный в одежде, он вдруг будто забыл, зачем это нужно. Да, он давно не преподавал. Да и не предполагал никого встретить в Москве. Страстный книголюб, он приехал на выставку за книжками. С тележкой на колесиках, с какими бабули залезают в троллейбус. Подскочила к нему. Старый потертый костюм с крошечным следом зеленой масляной краски на лацкане. Было чувство, что этот серый костюм еще из детства. Мама покупала его. Рубашка пестрая, какая-то невыходная, домашняя. И без галстука. Вот это вообще было на него не похоже. Галстук он носил всегда, сколько его помнила. На каблуках была выше его на голову. Вдруг подумалось, что он ссутулился, осел, как когда-то бабушка... Поговорили немного. Девчонки со стенда во все глаза смотрели на нас. А потом мы расстались. Просто разошлись в стороны. Он снова потащил свою тележку. Смотрела ему вслед. Даже не поцеловала его в щеку перед расставанием, как делала всегда. Сейчас остро все это вспоминать. Почему я его не поцеловала? Просто кивнула на прощанье. Разве я знала, что это навсегда?! Когда-то в далеком детстве, когда мне было четыре, он вот так же шел впереди. И держал руки сзади, шевеля пальцами. Чтобы я догоняла, чтобы научилась ходить быстро. Я бежала, пальцы были высоко, выше моих глаз, хватала его со смехом за них. Он тоже смеялся. Догнала!

Он ушел от нас с мамой, когда мне было восемнадцать. Однажды она сказала ему, что меня надо бы прописать в квартиру бабушки и дедушки. На что он ответил: «Нет. У меня другая женщина, и я ухожу». Как гром среди ясного неба. Замуж мама больше не вышла. Для меня началась другая жизнь...

В гробу он лежал очень красивый. Гладкое лицо, безмятежное и спокойное, каким он и был всегда в моем детстве. Все бури прошли мимо... Говорила с ним за три дня до смерти. Неожиданной. Он ни на что не жаловался. Только на ком в горле. Уговаривала провериться. Но врачей он не то что не любил. Он их боялся. В семьдесят пять лет у него не было медицинской карточки. Он ни разу в жизни не болел гриппом, простудой, да и вообще – ничем. Пил много молока каждый день. И ни грамма спиртного. Не уверена, что не пил ничего со своей «законной женой». Потому что на похоронах она была настолько пьяная, что ноги не держали ее. В церкви на отпевании ей дали стул. Поставили возле гроба. Она вертела в пальцах платок. Но ни разу не поднесла его к глазам. Я обревелась. Понимала, что дорогое лицо больше не увижу. Да и все слова, частично из Покаянного канона, частично из Евангелия, проникали до дна души, поднимая самое трепетное, самое нежное, самое потаенное.

Когда я была маленькой, я помню, как отец говорил: «Если бы человек был, как электрическая лампочка: в полный накал и силу всю жизнь, а потом в одно мгновение – обрыв. Важно – в полную силу, как в тридцать пять, всю жизнь». Так у него и получилось. Еще за год до смерти он гулял по десять километров и более. В последние два месяца мы стали много общаться. Я издала отрывки из мемуаров дедушки, которые он писал всю жизнь. Отец прочел, был очень и очень рад, но отметил, что допустила несколько неточностей в описании фактов из истории обширной семьи предков. Сорок минут я записывала все, что он говорил, в записную книжку. Все, что он знал о наших прадедах и пращурах, обо всех, кто погиб в Великую

Отечественную войну. Я устала. Телефон нагрелся, уши тоже. Он хотел рассказать еще и из своей жизни, но я сказала: «Давай встретимся в кафе после Нового года, так проще будет. Я же все записываю». Разве я знала, что встречи не будет? Еще в этих разговорах я рассказала, как уходил известный драматург, с которым общалась часто и очень давно, лет пятнадцать. Он умер за месяц до отца. Ему было девяносто. Он был совершенно незряч. Ни за какие деньги – а их у него было предостаточно, он был деловым человеком – ни в каком Израиле или Германии вернуть ему хотя бы немного зрения было невозможно. Но сила духа его была такова, что он сочинял в уме, а потом диктовал машинистке. Он говорил мне тяжелые вещи про старость. Говорил просто, наблюдая себя... С привычной рефлексией писателя. «Самое тяжелое – ждать смерти. Уже не страшно. Просто ждешь. Она может прийти в любой момент. И еще: уходить надо в семьдесят или семьдесят пять. Сил еще много».

Еще отец сказал, что его двоюродный брат умер. Я поразились: как, откуда известно? Он общался с ним? «Нет. Не общаемся давно уже. Мне ангел сказал». Ангел?! Я помолчала. Интернетом отец не владел. Сказала, что попробую найти его брата или детей его. Нашла одну публикацию двухлетней давности: с фотографией брата рядом с заваленным им в Финляндии оленем. Подумала, что вряд ли он умер, если недавно охотился. Повезло: нашла одного из его сыновей. У него была фамильная тяжелая челюсть. Поэтому узнала его сразу. Написала, разумеется, что отец потерял телефон и просто хочет пообщаться. Мне дали почту. Позвонила отцу и сказала, что брат жив, есть почта, можно написать, пусть сочинит, а я отправлю. Мне не давала покоя мысль об «ангеле». Отец крестился в девяностых, но, видимо, в церковь если и ходил, то редко. А тут – «ангел»! Вспомнила, как крестилась его жена – кулаком. «Сектантка. И он с ней...» Что за ангел такой? Может, бес?

На похоронах, уже после отпевания, у могилы, она крестила гроб кулаком...

Снова я здесь, в тишине последнего пристанища бабушки и дедушки. Отец тоже здесь лежит, рядышком. Он так любил родителей! Теперь они вместе навсегда. Хотя... Их здесь нет. Только сброшенная их душами одежда... Скоро появится еще один камень с родными непохожими, безжизненными чертами отца. С того самого фото, которое делала я, когда катались с ним на колесе обозрения в парке напротив дома бабушки и дедушки. Фотографировала на прекрасный, надежный «Зенит». Сейчас колеса обозрения нет. И каруселей. Видимо, их давно убрали.

Эти улицы... Родные и знакомые. Узнавала каждый поворот. Листала улочки, как страницы семейного альбома.

В этих же числах августа, в разгар полного, зеленого, избыточного лета, я всегда жила здесь. И даже погода тридцать пять лет назад всегда была такая же: чуть за двадцать градусов, нежное тепло.

Шла и чувствовала нечто странное: растворение времени в себе. Видела себя как бы немного со стороны и слева сверху. Но не себя сегодняшнюю, а лет восьми. Я сегодняшняя была тут же. Просто параллельно. Почему-то вспомнились слова Сергея Есенина, что «ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть...» Вот я, маленькая, в сшитом бабушкой платье. Оно самое простое из тех, что она сделала для меня. А потому любимое. В мелкий красный и зеленый горох, отороченное всего-навсего узкой красной ленточкой. Не любила я всех этих ее оборочек, воланчиков, кружавчиков и рюшек. Любимым бабушкиным магазином был магазин тканей, тут же, неподалеку от дома, на Дирижабельной. Редко «выбрасывали» что-нибудь симпатичное и стоящее. Но бабушка ходила часто, вдруг удача?

Двор детства, вот окна квартиры бабушки и дедушки. Всего три: кухня, спальня и зал. Высокий первый этаж. Вот здесь поздно вечером, чтобы не видели и не ругались соседки, у приступки подъезда бабушка трясла половики. Вдоль коридора был самый длинный и старый, сплетенный еще в деревне ее собственными руками и руками ее многочисленных сестер. Вот здесь, оставшись надолго одна, я нашла тихий угол во дворе и пописала. Не могла дожидаться

бабушку. Ужасное хулиганство и безобразие. Зато вспомнить забавно. Это урок: надо уметь хулиганить и безобразничать! Вот тут, через дорогу от дома на улице Академика Лаврентьева, был тайный «штаб» наших с Жанкой противниц-подружек. Мы никак не могли найти его! А наше укрытие они быстро разгадали. Даже кусты этого «штаба» помню: с красными прутьями веток, ровными овальными листьями и белыми пучками цветов. К осени эти цветы наливались в несъедобные белые ягоды. Теперь – дорожка ухоженная, широкая, и никаких кустов. Здесь был край нашего мира. Дальше, через парк, поселок Гранитный. В детстве он казался далеким, как другое государство, чем-то немыслимым, за краем мира. Но это в наших детских играх.

За этот край мы часто гуляли с отцом и дедушкой на канал имени Москвы. Дедушка всегда шел с нитроглицерином. Иногда останавливался. Отец с легкой скрываемой тревогой в глазах ждал... Любил своего отца необычайно, бесконечно, трогательно и преданно. У них были свои шуточки, свои жесты, свои игры. Так же, как и у отца со мной... Когда мне было два года, я впервые увидела реку – именно здесь. Воскликнула: «Какая большая лужа!» Так в семье и пошло: «На лужу пойдём гулять?» Дорога неблизкая, километра три. Шли всегда по железнодорожной ветке к гранитному заводу. Поезда тут ездили настолько редко, что идти можно было не опасаясь. Я обожала балансировать на рельсе, держась за руку отца. Дорога казалась мне бесконечной, сказочной. Вдоль полотна рассыпаны осколки гранита и мрамора всех возможных оттенков. А еще были двери в бугорках земли, загадочные и мрачные, как склепы. Такие крошечные, что только я могла бы войти в них не нагибаясь. Я же не знала, что это обыкновенные сараи. Но нет, это жилища гномов, а может, вообще ворота в другой мир. Эта странная дорога будила во мне смутное чувство узнавания... Я не могла бы ни за что сказать, что это означало... Было в ней что-то от дороги Элли, вымощенной желтым кирпичом, из любимой книжки «Волшебник Изумрудного города». Что-то такое, за гранью памяти и осознанного понимания, чего нельзя объяснить словами...

Вот я – не я – уже шестнадцатилетняя, три часа пути из Подольска, иду самым дальним, кружным путем к родному дому. Потому что бабушки больше нет – сегодня похороны. Майский ласковый, почти летний день. И конец учебы. На мне школьная форма. Иду почему-то одна. Видимо, родители уехали много раньше. Мне непонятно, немыслимо... Скоро мне станет плохо, когда увижу исхудавшее до неузнаваемости, ярко раскрашенное, совершенно незнакомое лицо бабушки. Один остов. Это не она... Обморочное состояние. Мне казалось, я умираю сама. На кладбище меня не возьмут. Но пока я этого не знаю, просто иду навстречу солнцу.

Вот бабушка, звонко чмокающая меня в обе щеки. И ласково щиплющая за их пухлые бугорки. Вот она удивляется, возмущается, негодует, любопытствует: «Батюшки святы!» Вот она читает детскую считалочку, трогая меня поочередно за щеки, лоб и носик. «Стенка, стенка, потолок, две ступеньки, дзыбынь-звон!» Весь уют их дома. Журналы «Работница», «Роман-газета» и «Мурзилка», «Вечерка» на диване. На завтрак ароматные сытные «Останкинские» пельмени. Ягоды, индийский чай, тот, что «со слоном». Непременный детский фильм «Кортик». «Бронзовая птица». Потом целый день улица. Сорванные кислоющие вишни. Удобное кресло для долгого чтения. Индейцы, приключения, романтика и загадочные острова. Тихий, скучный вечер с программой «Время». Дедушка, играющий со мной в ладушки. Честно. А я хитрила...

Раньше была дорожка наискось. Напротив окна в кухне. Теперь тоже можно пройти, но стоит гараж-ракушка. Мы этой дорожкой уходили с отцом. Всегда оборачивались, потому что знали: бабушка с дедушкой у окна машут нам вслед.

Уходя, обернулась. В окне никого не было. Только букет чужих белых гортензий. Тут живут незнакомцы. Квартиру дети «законной жены» давно продали, купили себе жилье в Москве.

В этот день я была одновременно в двух мирах. Вот я – не я – восьмилетняя, иду рядом с отцом, быстро иду, едва поспеваю. Потому что надо попасть на электричку. Успеем на эту – пересядем на Савеловской удачно на следующую, уже до Подольска.

Иду мимо палисадников у двухэтажных домов на Октябрьской. Здесь почти ничего не изменилось: те же цветы, тот же тихий уют почти частного жилья. Ярко-розовые флоксы, резкие, броские георгины, скромная дикая высокая мальва и «золотые шары». Дворы – как шкапулки у бабушки. Толстая, огромная береза. Наверняка помнит меня маленькую. Потрогала ее вздыбленную шершавую кору. И даже забор железный тот же. Ржавый, с темно-коричневыми прутьями, перекрещенными ромбами. Шла и вела рукой по нему. Пальцы больно прыгали. Пересесть Первомайскую, самую длинную улицу города. Как гигантская стрела, она упирается в городскую больницу. Тут умер дедушка. Отец пришел к нему, а на его постели свернуты в рулон одеяло и матрац. Он смотрел и не мог понять, почему... Где же отец?

Да, на месте одноэтажных частных домов много новостроек. Но улицы узнаваемы. Вот тот самый проулок на станцию. Справа, смотрящий на железную дорогу, был старый-престарый магазин игрушек, где мне купили любимого Витю с черным нарисованным чубом. Рядом палатка с ароматными пончиками, жарящимися на глазах. Всегда очередь, но небольшая, чело- века три-четыре. Потом я шла, обжигая пальцы через бумажный кулек, а пончики пахли так, что уносило голову. Но бабушка ни в коем случае не разрешала есть грязными руками. Потом, сжалившись, отрывала часть оберточной бумаги от кулька и давала мне в ней пончик, забирая весь кулек. Самые вкусные пончики – сверху, потому что на них больше всего сахарной пудры. Тут же, рядом, бабули торговали клубникой, черешней, домашними хрусткими огурцами с маленькими пупырышками. Бабушка всегда покупала мне ягоды, сколько бы они ни стоили. Помню цены. В первое лето – шесть рублей за килограмм, второе – шесть пятьдесят. И так далее до восьми-девяти. Эту последнюю цену бабушка считала слишком высокой, поджимала губы, но покупала.

Вот я – не я – узнаю и не узнаю прежнюю станцию. Турникеты. Площадь огорожена заборо- ром. Вместо автобусов – маленькие маршрутки. Вместо бабуль с ягодами – лотки с нерусскими торговцами во главе над горами импортных фруктов. Есть фотография: мне года полтора, я стою на этом самом месте на заброшенных рельсах, параллельных основным путям, и держусь за руку дедушки. Я крошечная, а он огромный. Он склонил голову и будто что-то говорит мне. Я держу в руках пучок полевых цветочков. Помню его сухие крупные холеные руки с квадратными пальцами. Постояла на этом месте. Смотрела на солнце. Оно заполнило меня всю, до краев. Время растворилось... Дедушки нет, никто не подержит за руку.

На улицу Циолковского бабушка посылала меня за хлебом. Копейки давала строго, под счет. Половинка черного – девять копеек, батон белого – двадцать пять. И рогалики по десять копеек. Эта булочная на Циолковского и славилась тем, что иногда тут были рогалики. Они были особенные, упругие, туго свернутые, большие, с хрустящими кончиками. Ах как они были хороши с молоком! Вот она, эта дверь. Сейчас крашенная зеленой краской и закрытая наглухо. Смотря в нее, в этот зеленый цвет, я снова видела всю булочную внутри: как расположены стеллажи, рогатые вилки почти под каждым – трогать пухляшек. Но если уже взял батон – обратно класть ни-ни! Окунулась в сам запах хлеба...

Вдруг я вспомнила, что в этом дворе по дороге в булочную были мои любимые качели. Огромные, с сильным размахом прочных железных рук. Я всегда качалась на них, когда шла за хлебом. И обратно тоже, крепко зажав авоську пальцами у поручней. Не удержалась, пошла посмотреть, где они раньше стояли... Прежней дорожки не было, заросла... Новые качели на хлипких цепях уже сломаны.

Чудо! Мои качели-близнецы стояли – целые и невредимые! Неужели такое может быть?! Даже краска серая была той же, из детства. Я бросилась к ним. Трогала. Все те же сильные

железные руки. Только прочное дерево обоих сидений стерлось от времени до полной округлой гладкости.

В детстве оно больно упиралось ребром в голые ноги под коротким платьицем. Оттерла сиденья салфетками: кто-то посмел качаться на них стоя. Раньше они казались мне немного больше, но совсем немного! Раскачалась сильно, как всегда. Я часто годами уже взрослой вспоминала эти мгновения и всю картину вокруг. Верхушки летящих навстречу деревьев. В тот момент, когда ощутила детский полет вверх вместе с тополями в ярчайший блеск облаков, в мгновение чистого восторга, в этот момент я поняла, что вернулась не к себе даже, а в себя. Уже не было двух параллельных миров, в которых я листала любимые улочки. Это была целиком – я. Неужели качелям сорок пять лет? Какая глупость и чепуха...

Потом долго сидела, обнимая их. Было так трепетно и воздушно, и так грустно... Уходя, я их погладила по железным рукам, как прощалась бы с другом.

Неподалеку от дома детства зашла в кафе. Ела пиццу и смотрела в окно. Тревожно и странно. Будто что-то навсегда утрачено. Или тогда, давно, это была не я? Что меня теперь с этим местом связывает? Ничего материального. Воздух...

Вдруг в мгновение, не знаю почему, все изменилось. Подумала, что, если бы жизнь сложилась иначе, отец не отдал бы эту квартиру... сейчас ела бы там, в ста метрах отсюда. Только и всего. Разве мне сейчас плохо? Пицца вкусная, пирожное – тоже. Я даже не сама их готовила. Мне подали. У меня есть дом, достаточно для жизни денег, мое творчество, книги, картины, все радости жизни, которым научил меня отец. Может, с квартирой – это его последний урок? Он не хотел, но дал мне его... Будь иначе, тот расчудесный мальчик, о котором даже вспоминать сейчас не хочется, был бы – о ужас! – спутником жизни. Пусть и недолго. Бросил бы, увидев меня впервые слабой, растерянной и беспомощной, когда вернулась после встречи с «законной женой» отца, растерзанная и растоптанная. Как у Ницше? «Что падает, нужно еще толкнуть!» Вдруг я не была бы свободна? И не смотрела бы в окно, жуя пиццу. И не мечтала бы о зеленых, самых нежных глазах напротив. Мы думаем, что нам нужны какие-то материальные вещи. А они не нужны нам. Нужен просто воздух. Вот этот воздух, которым сейчас дышу. Свобода. Воспоминания. Покататься на качелях детства, взлететь снова в небо с замиранием счастливого сердца куда важнее, чем увидеть дом детства, а тем более – жить в нем.

Мы – эфемерные существа. Мы временно трогаем землю. И качели. Но качели – вечны... Вдруг открывшаяся вселенная этой мысли показалась необъятной. Всмотривалась в нее до головокружения. К вопросу о времени. Эта идея посетила меня столь неожиданно и быстро, что я даже не успела доесть кусок пиццы. Смотрела на него и вокруг. Сейчас, вот сейчас, для меня все изменилось... С этой мыслью можно качаться, как на невидимых качелях...

«Волшебная пицца», – подумала я. Я даже не пила пиво. Только чай.

Варенье Рождественское

В 1947 году дяде Коле, моему соседу, добрейшему человеку, было только семь. Голод. Жили трудом и надеждой. Но им-то, ребятам, что? Одна радость – улица.

И всегда сверлит мысль: где бы перехватить поесть? Хоть что-нибудь.

Выбегали во двор с кусочком черного хлеба, душистого, пропитанного подсолнечным маслом и посыпанного крупной солью. Первым делом кричали: «Сорок один – ем один!» Потому что если не успеешь, «Сорок пять – всем давать!»

Быстро таял кусочек хлеба, оставляя по себе запах масла и сосущий голод под ложечкой.

Улица Рабочая тогда была вся одноэтажная. А на самом углу с Комсомольской стоял длинный барак. В нем дядя Коля и жил. Вокруг – частные дома с садами.

Поповну, их соседку, звали Варвара Васильевна. Ее-то сад с налитыми яблоками, тяжелым подсолнечником и кислой вишней и был предметом постоянных голодных помыслов их компании.

Однажды его друг Лешка, сидя в траве, потихоньку вылушил из подсолнечника все семечки. А Танька на другой день с огромным трудом отвинтила эту же головку. Радовалась, когда тащила ее в подоле! Развернула на воле – а подсолнух-то пустой! Ну и смеялись же все!

А однажды они набрали в поповском саду целый мешок яблок. Маме сказали, что нашли пустующий дом на другом берегу Пахры. И попросили продать яблоки на рынке. Мать встала в Красных рядах. И вдруг подошла поповна-соседка. Покачала головой:

– Хороши яблочки. Даже на мои похожи. Надо же!

И ушла.

Ох и досталось же дяде Коле в тот же вечер! Ох и лупила его мать, и лупила! По всему дому гоняла. Он бегал, плакал, вопил благим матом. Знал: за дело. Мать выбилась из сил. А он спрятался в сарае во дворе. И пока не стемнело, грозил оттуда кулаком ненавистному дому поповны.

Следующий день и вовсе был пыточный. По всей улице шел такой сладкий яблочный дух, что у детей дыханье перехватывало. Поповна варенье варила. На Яблочный Спас.

Пролетели летние денечки. Опустел поповский сад. Принакрылся сугробами. Одно развлечение: санки да снежки. Только холодно. Есть с мороза ох как хочется! Кажется, слона бы съел! Никогда дядя Коля себя сытым не помнил.

Новый год прошел. Никак. В школе выдали два зеленых мандарина. Чудо невиданное! Кислятина. Запах один. Поповские яблочки вкуснее.

Рождество не справляли. Нельзя. Почему? Все церкви закрыты, кроме одной – Троицкого Собора. Раньше видна она была – со всех сторон. А теперь застроили ее домами. Никто не ходит. Хоть и говорят: «Рождество, Рождество...» Дяде Коле все казалось в этом что-то чудесное. Загадочное. Тайна какая-то... Потому что все о нем знают, думают, но никто ничего не рассказывает... Хотел он было мать расспросить, да передумал...

В тот же вечер, когда вся семья была дома, пришла поповна к ним в гости. Они особенно не знали, и мать удивилась. В руках Варвара Васильевна держала большую банку яблочного варенья.

– Кушайте на здоровье. С праздником.

Поклонилась и ушла.

– Спасибо, матушка, – прошептала мать.

Она так посмотрела на сына, что он не смог выдержать ее взгляда. Убежал, ревя:

– Она нарочно! Нарочно!!! Попопна-клоповна...

Он долго не прикасался к подарку. Не мог. Как мать его ни потчевала. Но потом все же не устоял.

Так вот что такое Рождество.

Варенье было вкусное.

Голубятник

Кто он такой был и откуда? Никто не знал. Просто жил себе человек поживал. Никого не трогал. Чудаковатый старик. Походка смешная – вперевалочку. Будто ноги не сгибаются. Соседи его терпеть не могли. Вот почему.

Старик этот любил голубей. Они как-то незаметно вошли в его жизнь. Сначала он не задумывался, зачем ему эти серые бестолковые птицы. Просто кормил. Хлопали крыльями, слетаясь. Кто быстрее? А потом стал чувствовать прилив бодрости и какой-то первобытной радости после каждого общения со своими крылатыми друзьями.

«Не иначе, птицы мне сил прибавляют», – решил он.

Так и повелось.

Каждое утро он садился в свой старенький жигуленок и первым делом ехал в магазин. За пшеном. Покупал много. В магазинах его давно знали. И знали, зачем старик покупает зерно. Снисходительно выкладывали на прилавок килограммы крупы.

А уже потом старик отправлялся в те точки города, где приучил кормиться птиц. Таких мест было четыре или пять. И везде его ждали. Ждали птицы.

Едва подъезжал, они слетались. Он знал, хорошо знал, что они отличают его безошибочно от всех прочих людей. Еще издали узнают. Сознание этого очень согревало старика.

Был он некрасив, низкоросл и коренаст. Кривые ноги. Походка – голубиная, вперевалку. Мутные кроткие голубые глаза. Жиденькие волосы, торчащие из лысины. Извечные безобразные тянучие тренировочные брюки на нем. Да выцветшая куртка.

Голубям все это неважно.

Жил он в обычной блочной девятиэтажке в одном из окраинных микрорайонов города.

Приходил в родной двор с кулком пшена. Птицы ждали на крышах соседних домов. Слетались шумной, хлопочущей крыльями серой тучей.

Жадно клевали пшено.

Даже ворон не допускали до своего пиршества. Вороны – одиночки. Куда им с тучей совладать.

Год от года серая банда становилась все наглее и многочисленнее.

Надо сказать, что пристрастие старика к голубям не могло оставить равнодушными соседей. Потому что серая масса выстилала липким пометом лавочки, листья дворовых берез и лип, подоконники, детские качели и в конце концов изукрашивала свежевывмытые машины, припаркованные возле дома. Помет, отвратительный, вязкий, высыхал моментально. А уж потом поди его отчисть. Сушая мука. Едучий. Крепкий, как цемент. До царапин на лобовом стекле.

Удивительное дело. Машину своего благодетеля, старенький жигуленок, птицы не трогали. Так и стоял он чистенький, под каким бы деревом старик его ни оставил. Соседи диву давались. Неужели эти бестолковые создания знают, что туда какать нельзя?!

У них же умишко с орех!

Уж и ругались соседи с ним, и скандалили. Объясняли старику, что он не один в доме живет, что птиц развелось видимо-невидимо, а потому житья от них нет совершенно. Они – птицы грязные. И заразу разносят. «Крысы летающие, – как выразилась соседка Ивановна. – И тоже серые. Тьфу!»

А старику хоть бы хны. Смотрит своими невинными кроткими голубыми с мутью глазами.

Объясняет свое: мол, сил у него от птиц прибавляется.

«Вы сами попробуйте! Они жизнь мою держат. Здоровье от них».

Заладил одно: здоровье да здоровье. Ну что с ним сделаешь? Куда жаловаться? Повздыхали и разошлись.

Завтрашний же день начался с того же: с голубиной кормежки. С кучи пшена на канализационном люке.

Говорили ему: хоть бы голубятню свою завел, птиц белых с пушистыми лапками и будто нарисованными глазами и клювами. Там бы с ними и возился. Хоть целовался бы! На кой ему ляд эта серая туча? Они ж даже некрасивые. Наглые. Жирные. Какающие невпопад.

Старик пропускал нападки мимо ушей. Ну не понимают люди. Бог с ними. Он старался объяснить. Не вышло.

Увы. Проходили недели, месяцы, и вокруг него словно образовался вакуум.

С ним перестали здороваться. Он сам всегда придавал этому ритуалу большое значение. И дело тут не в условных приличиях. «Здравствуйтесь» означает, что ты желаешь здоровья тому, к кому обращаешься. А тебе в ответ желают того же. Поэтому старик всегда полностью и четко проговаривал: «Здравствуйтесь». А не «сдрасьте», «здрасть», «зд-рась», «расть» и т. д.

Была у старика любимая голубка. Чуть хроменькая на одну лапку. Так он и отличал ее. Он ее сам вылечил, когда нашел замерзающую зимой. Доверчивая. Вокруг нее – красные капельки крови на белом снегу. Дети. Жестокие дети. У него дома она отогрелась, отпилась, отъелась и быстро восстановила силы. Но старик держал ее дома долго. До конца зимы. Весна в том году была очень ранней. В конце марта уж совсем не было снега, светило ласковое солнце... Он ее отпустил. А потом всегда видел в стае, всегда отличал...

Она привыкла к его рукам и часто садилась прямо на ладошку. Доверчивая.

Увы, с каждым днем чем ярче светило солнце, тем яростнее раздражала соседей его любовь к птицам.

Главный авторитет дома, управдом Василий Васильевич, устроил ему громкий разнос. Его внушительный властный голос был слышен до девятого этажа. По поводу несносных голубей, разумеется.

Василий Васильевич был полной противоположностью старика. Даже внешне. Высокий, все еще внушительный. Держался прямо, руки за спиной, посматривал сверху вниз. Любил ходить перед вверенным ему домом. Всех знал. Все знали его. Уважали. Здоровались.

Василий Васильевич громко изрек любителю голубей свое неодобрение. От имени жильцов и себя самого.

Тот в ответ мягко пожал плечами и отвел глаза. Сколько можно!

Громовой голос заставил нескольких соседей выглянуть в окна.

Василий Васильевич требовал прекратить разводить грязь. А кошки? Зачем ему еще кошек кормить?!

Старик не ответил, только подумал: «Сытая кошка не станет голубя задирать. Все просто. А еще кошки ласковые. Тоже мне радуются. Еще как».

Одна только девочка с ним здоровалась. Девочка была, конечно, уже взрослой женщиной. Это он так ее про себя называл. И не потому даже, что годился ей в отцы.

Однажды он подвез ее на своем жигуленке. Стояла на остановке автобуса, ловила машину. Торопилась куда-то, наверное. Он остановился. Села, поздоровалась. И вдруг будто зрение открылось: узнала в нем тренера. Годами ходила мимо у подъезда, здоровалась, знала, что он – сосед. А тренера увидела только тогда, когда в машину к нему села. Все эти годы, что жила рядом, не видела. Почему? Она замуж вышла и приехала в этот дом. Но с тех детских лет, что она провела во Дворце спорта, мотая круги на беговой дорожке, до замужества прошел изрядный срок. Вот и не узнавала. Конечно, он был не ее тренером. Просто в соседней секции. Теперь смотрела и улыбалась. Он тоже улыбался...

Вспоминал молодость. Велел его дядей Гришей звать. Тренер по греко-римской борьбе. Поэтому такая походка неуклюжая. Сказал, что жигуленок подарил один из воспитанников. Много их у него было. Как птиц. Вдохнул. Кому из них – победы и звания, потом забвение или тренерство, кому – скользкая дорожка в услужении у больших авторитетов, местных крими-

нальных воротил, держащих в руках власть в городе. Один из этих «успешных» и подарил ему машину. А кому из его ребят – и смерть на этой дорожке. Обычно – самым талантливым. Тем, кто не смог усмирить, подчинить себе свою собственную силу, тем, кто не прошел испытания ею... Самого последнего и самого важного испытания. Того, в котором тренер уже не указ. И никто не указ. Того, которое можно пройти лишь наедине с самим собой...

Глаза у девочки были чуть поднятые к внешним углам, что придавало ей сходство с голубкой. А еще она чем-то напоминала ему Одри Хепберн из любимого фильма «Римские каникулы». Такая же принцесса. И взгляд – открытый. Все дяде Грише о себе рассказала тогда. Доверчивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.